

Творческий портрет

ПУТЬ К ПЕСНЕ

КОГДА ГОТОВИЛСЯ К ПЕЧАТИ МАТЕРИАЛ О СОЛИСТЕ БЕЛГОСФИЛАРМОНИИ ЭДУАРДЕ МИЦУЛЕ, СТАЛО ИЗВЕСТНО, ЧТО ЕМУ ПРИСВОЕНО ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА БССР.

Каждый человек по-своему находит призвание. Один тратит годы, меняет несколько специальностей, пока, наконец, обретет единственное, самое главное в жизни. Другого с детских лет озаряет то, без чего он не сможет жить.

Родился Эдуард Мицуль на станции с милым названием Добрик, что в Унечском районе на Брянщине. Край это лесной, ягодный, со множеством голосистых птиц, с речкой Унеча. Все вокруг волновало, будило фантазию. Парнишка слышал песни девушек в лугах или на поле, пение отца Леонарда Адамовича, мостового мастера, который сам себе аккомпанировал то ли на гармошке, то ли на гитаре (играл он еще на ба-

яне, мандолине, балалайке), а иногда пел сам.

— Да-а, сынок, перепоешь ты всех нас,— говаривал отец и улыбался светло и добро. — Так и должно быть.

Потом рождалась новая песня. Своя — родная, белорусская. Дело в том, что мать, Надежда Устиновна, была из Барановичей, а отец — из-под Ошмян, и они часто вспоминали родные места.

Впервые в «концерте» Эдуард выступил в Унече, куда вскоре переехала семья. Был он уже довольно ладным парнем. Через улицу, где они жили, находилась больница. И вот в какой-то праздник попросили его спеть в красном уголке. Захватил он балалайку, а когда

затянул «Спят курганы темные...», то с ужасом почувствовал, что не так настроил струны, петь приходится трудно, в не свойственной ему манере. А еще волнение... Однако исполнителем все остались довольны. Кто-то заметил:

— А у паренька будет хороший бас...

Но «баса» из Эдуарда Мицуля не вышло. Пел он тенором, а сейчас у него — лирический баритон. Да главное и не в том, каким голосом петь. Главное — как петь.

Иногда, бывает, выходит на сцену эффектный внешне певец, голос у него сильный, музыкальной культуры не занимать, а вот не трогает его исполнение, не берет за душу; раздражение даже испытываешь. Потом можно слышать: мол, без сердца пел. А откуда оно, это сердце, берется? Наверное, надо самому много прочувствовать, пережить; надо любить и понимать родную природу, людей, ощущать с ними постоянную внутреннюю связь. Ну и, конечно, у каждого исполнителя есть свои «производственные секреты», которые в конечном итоге объясняются большой работоспособностью.

Помнится одно выступление Мицуля во Дворце культуры тракторного завода. Его тогда особенно горячо благодарили, не хотели отпускать со сцены. Потом я спросил его, что он испытывает, когда поет. Он недоуменно пожал плечами, блеснул голубоватыми глазами, сказал:

— Не знаю. Представьте, да-

же не слышу собственного голоса.

Не так давно мы вспомнили об этом. Он только вернулся с рыбалки. Загорелый, до красноты продубленный ветром, пахнувший поздним осенним солнцем и хвоей леса, он оживленно говорил:

— Рыбалка рыбалкой, а как славно ощутить полевой простор, постоять у березы или под елью, на которой хозяйкой — белка, рыжая, шустрая. Кажется, время сыграло с тобой какую-то дивную шутку, и ты где-то далеко-далеко, на безмерной дороге... Ведь в детстве я страсть как любил ходить в лес со своим верным Дружком...

Но быта и другое. Была война, пригасившая все планы и мечты. Были голодные и тревожные дни на Тамбовщине, куда эвакуировалась семья Мицулей. И еще — оборвавшаяся цепочка вестей от отца, который так и не вернулся с войны...

Когда Эдуарду исполнилось восемнадцать, надел и он военную форму. Несмотря на лишнее время, новым друзьям, да и самому ему, очень нужна была песня; она не только скрашивала, но и как бы облегчала нелегкое солдатское бытие. И, понятно, Мицуль был запевалой в строю, в минуты отдыха. А с людьми, оторванными от близких, от родных домов, надо было говорить песней, проникновенно и задушевно.

Теперь мне кажется, что эта мицулевская душевность, глубина и доверительность в песне — качества, составляющие сильную сторону таких замеча-

тельных певцов, как Бернес, Утесов, Шульженко, Макаров (кстати, их очень любит, по сей день учится у них Эдуард Мицуль), — пробудились, заявили о себе именно тогда, в годы войны.

— Значит, на сцене не слышите своего голоса? — переспрашиваю, возвращаясь к прерванному разговору.

— Разве это так важно? — в свою очередь задает вопрос Мицуль и, подумав, говорит:

— Эстрадный жанр — особенный. Подчас и не предполагаешь, насколько сложный. Иной разучит модную песенку, повесит на шею гитару — и уже артист, жаждет признания. Но все это бутафория! Не так все просто и легко. Каждая эстрадная песня — отдельное, пускай и маленькое, произведение, которое нужно уметь передать, раскрыть его содержание. Поэтому нужно знать, о чем поешь, надо быть умным певцом, а не просто исполнителем текста и музыки. И еще... Очень важно, чтобы слушатели верили певцу, верили в то, что он преподносит им.

— Это, наверное, трудно, не всегда получается?..

— Нелегко. А получаться должно. Иногда так углубляешься в репертуар, что по ночам текст снится... Перед выступлением собираешься, начинаешь видеть то, о чем поведешь разговор...

Так и сказал: «...о чем поведешь разговор». И это с какой-то новой стороны осветило мне певца. Пришла на память песня Степана в кинофильме «Любовью надо дорожить». Написал ее Юрий Семеняко. «Посмотри, как в небе звезды хороши...» — песня, которая вот уже много лет звучит, как бы стала хрестоматийной для молодых исполнителей, и все бла-

годаря Эдуарду Мицулю.

Точно отвечая моим мыслям, он сказал:

— Нравится мне манера исполнения, звучание голоса, разработка каждой вещи у Магомаева. Любой певец должен иметь свое лицо. Иначе не стоит выходить на сцену. Не терплю подражателей. Даже если делаешь в искусстве первые шаги — будь самим собой. Тут, по-моему, хорошо помогает художественная самодеятельность, где особенно нетерпимы к фальши, где приучаешься к самостоятельности...

Кстати, и сам Эдуард Мицуль начинал с самодеятельности. В сорок шестом демобилизовался, приехал в Унечу. Туда возвратилась и мать. До этого имел дело со стрелковым оружием — мирной профессии не успел приобрести. Растерялся? Нет. Стал путевым рабочим. Бил щебень для укладки стрелок, обкашивал откосы... Потом — осмотрщик вагонов. А вечером — клуб железнодорожников. Репетиции, выступления. Однажды пригласили на празднование Дня железнодорожника в Москву. Там Мицуля заметил руководитель эстрадного коллектива Центрального Дома культуры железнодорожников Дмитрий Покрасс. Он позвонил Ивану Семеновичу Козловскому: дескать, приехал довольно приличный тенор. Вскоре его прослушивали в классе Катульской. Волнуясь, он пел «Ямщика», «Песню певца за сценой», «Песню варяжского гостя» из оперы «Садко» Римского-Корсакова. Впечатление произвел весьма благоприятное, и молодого певца зачислили в Московскую консерваторию на подготовительный курс — не хватило два года до общего среднего образования.

Но по семейным обстоятельствам учиться не довелось. До этого в Большом театре оставил ноты. Катульская заметила: — Раз вы забыли ноты в Большом театре, то все равно будете петь. Будете профессионалом.

Только не сразу осуществилась мечта. Была работа в Гомеле и учеба в местном музыкальном училище, потом — Белорусская консерватория, куда приняли его, когда уже начался учебный год, сделав скидку способному новичку.

Учебу в консерватории Мицуль успешно совмещал с работой в хоре Белорусского радио, затем по конкурсу перешел в капеллу Ширмы, позже увлекла эстрада. В Белгосфилармонии уже четырнадцать лет...

Слушали его моряки Балтики, рыбаки Камчатки, Южного Сахалина, строители Сибири, целинники Казахстана, нефтяники Новополоцка, шахтеры Солигорска; слушали в Москве, Волгограде, Севастополе, в Польше, Венгрии, Болгарии, в ГДР. С трогательной радостью принимали в городе его юности — Унече.

На творческом счету певца несколько сот произведений. Это — народные песни, произведения советских композиторов, классика.

...Наедине снова и снова перебираю в памяти страницы жизни Эдуарда Мицуля. Представляю, как он сейчас где-то выходит на сцену, как встречаются его, будто старого знакомого, — тепло, сердечно. И мне опять хочется побывать на его концерте.

О. ФОМЧЕНКО.

НА СНИМКЕ: поэт Эдуард Мицуль.

Фото Вл. Крук.

